
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖЕНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ: ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИСТСКОМУ ФЕМИНИЗМУ

Е.Е. Агафонова

Кафедра социологии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Глобализация породила ряд новых противоречий между личностью и обществом, в том числе обострила проблему идентичности человека и его самоидентификации. Если раньше у индивида был устойчивый набор норм, ценностей, мотивов, определяющих структуру его идентичности, то сейчас социальные институты, отвечающие за формирование стабильной идентичности, трансформируются и не могут в полной мере выполнять свои функции или даже вовсе распадаются. Радикальнее всего изменился социально-экономико-политический статус женщины, что повлекло за собой кардинальные изменения в структуре ее идентичности и в процессах идентификации. Старые модернистские взгляды и представления о роли, статусе, положении женщин, привычные способы поведения, оценки оказываются непригодными в нынешних условиях. Можно констатировать, что классические представления о самоидентификации женщин исчерпали сами себя и теперь требуется новое осмысление этого важного процесса. Проблема идентичности и самоидентификации особым образом решается как в рамках теорий постмодернизма, так и в концепциях современного феминизма. Теоретики постмодернистского феминизма предлагают достаточно интересный и важный проект пересмотра структуры женской / гендерной идентичности и процессов идентификации / самоидентификации женщин.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, модернизм, феминизм, постмодернизм.

«Современное человечество переживает период трансформации в иное социальное состояние... дело в радикальном изменении самих способов жизни людей, практик их коммуникации и социального дискурса. При любых концептуальных построениях очевидно то, что подобные ситуации характеризуются конфликтом ценностей, „ценностным политеизмом“ (М. Вебер) или, иными словами, столкновением идентичностей. То, что в стабильной ситуации удерживается установившимся нормативным порядком, в ситуации перехода рассыпается на конфликтующие части» [6].

Осмысление понятия гендерной идентичности прошло долгий путь от биолого-эволюционного понимания природы пола и гендера до современной теории гендерной идентичности, предложенной постмодернистским феминизмом.

В модернистской науке основополагающими являются идеи о том, что познание возможно только посредством разума и что оно должно быть рациональным, объективным, упорядоченным. Однако в эту стройную схему проблема женщин не была включена вовсе, или же их подчиненное положение объяснялось биологическими или культурными особенностями. На протяжении достаточно

длительного общественно-исторического периода имела место нейтрализация или исключение женского из системы научного мышления и из системы организации общественной жизни в целом. «В модели западно-европейской цивилизации мир предстает как хозяйство, которым руководит экономический человек с целью самоутверждения на основе обогащения» [1. С. 370]. Подобное мировоззрение характеризует мужскую/патриархатную модель цивилизации. Мужчина выступает главным субъектом общественного процесса, тогда как женщине отводится роль объекта. Обладание объектом превращается в установку культуры, формируемой мужчинами. По мнению С. Жеребкина, «патриархатная традиция в западноевропейской философии и науке возникает на этапе, когда в ней начала формироваться модель человеческой субъективности, ориентированная на понятие рационального, целостного и самотождественного субъекта — то есть так называемая классическая модель субъективности» [2. С. 390]. Данная модель фокусируется на «мужском» как едином и всеобщем, а «женское» просто игнорирует или ставит в оппозицию.

Бинарная оппозиция «мужчина-женщина» явно или неявно пронизывает всю культуру и весь ее категориальный ряд, поскольку понятия «качество-количество», «разум-интуиция», «дух-плоть», «культурное-природное», а также «хорошее-плохое», «светлое-темное» сопрягаются с мужским и женским. Характерно при этом, что первая часть оппозиции наделяется более высоким статусом, выступает основанием, детерминантой по отношению ко второй части оппозиции. Такая оценка статуса элементов указанного категориального ряда настолько вошла «в кровь и плоть» модернистской науки и культуры, что воспринималась и еще продолжает восприниматься как должное. На данных оппозициях сформировался и язык, который транслирует определенные ценностные установки, что объясняет сложность концептуализации и проблематизации вопроса о поле в его глубинно-метафизическом и практическом плане. С помощью бинарной логической структуры патриархатный образ мышления оправдывает подчиненное положение женщины в обществе.

Динамика от модернистской теории к постмодернизму и постмодернистскому феминизму была одновременно попыткой преодолеть бинарную картину патриархатного мира и дихотомическое построение самой общественной теории, где женское воспринималось как негативное или упускалось из вида вообще. Это было движение к субъекту и, несомненно, проблема идентичности субъекта, в частности женской идентичности, стала одной из центральных. Однако идентичность субъекта понималась как нечто не сводимое к структуре или функции, а скорее фрагментированное. Такой подход стал характерен и для большинства феминистки ориентированных постмодернистов [3].

Постмодернистские феминистки — в полном соответствии с постмодернистскими постулатами — отвергают традиционные положения об истине и реальности. Они пытаются избежать в своих работах воссоздания фаллологоцентричной мысли, считая, что она организована вокруг абсолютного слова (*logos*), которое есть стилистически «мужское» (т.е. фаллос). Элен Сиксу настаивает, что для женщин, которые ищут освобождения и хотят понять свою идентичность, лучше избегать таких понятий, которые основаны на патриархатном единстве и не ориен-

тированы на то, чтобы фиксировать различия. Такой подход связывает феминизм с постмодернизмом, хотя многие феминистки категорически отрицательно относятся к теории постмодернизма, видя в нем очередной механизм утверждения и воссоздания патриархатной системы.

В работе «Феминизм/Постмодернизм» Линда Николсон утверждает, что есть «множество точек пересечения между утверждениями постмодерна и позицией, которую долгое время занимал феминизм», что делает их «естественными союзниками» [11. Р. 5]. Она утверждает, что феминизм породил свою собственную критику научной рациональности, объективности и автономной личности как маскулинных конструктов. А именно на это направлены и основные интенции постмодернизма.

Постмодернизм оказался близок и интересен феминистским исследователям тем, что теоретики этого направления, по сути, перевели разговор о человеческом бытии на принципиально иной уровень, показав, что система философских и социологических категорий, включающая в себя понятия «человек», «общество», «природа», не отражает бытие реального индивида. Постмодернизм меняет масштаб рассмотрения человека и общества, выходя на микроуровень, в результате значимыми для понимания женской идентичности оказываются такие понятия, как «язык» с его дискурсивными практиками, «власть», «желание» и т.п.

Феминистская постмодернистская позиция берет начало в новом развитии психоаналитических и лингвистических теорий, связанных, в частности, с именами Ж. Деррида, Ж. Лакана и М. Фуко. Эти мыслители утверждают, что реальность для каждого из нас различна, так как она опосредована языком и опытом. Не может быть безличного, объективного взгляда, есть только конкретные индивидуальные субъективности. Язык здесь чрезвычайно важен, потому что он определяет не только то, как мы видим мир, но и то, как мы существуем, кто мы есть. Однако значения слов не закреплены намертво, а постоянно изменяются, следовательно, меняется наша субъективность, или ощущение себя, и наше восприятие мира. В этом контексте именно значения слов являются главными в формировании общественного сознания и напрямую связаны с властными структурами. Поэтому в центре большинства работ феминисток этого направления стоят вопросы подавления женщин через языковые практики (дискурсы). Благодаря постмодернисткам феминистской ориентации в науку введены понятия «женского письма» и «женского чтения». Источниками «женского письма» как особой формы самовыражения является, с точки зрения постмодернизма, женское тело и женская сексуальность.

В работе 1972 г. «Хохот Медузы», посвященной исследованию женского письма, Элен Сиксу наглядно демонстрирует особый подход, который новая волна феминизма использует для формирования концепции идентификации. Влияние постмодернизма проявляется здесь прежде всего в том, что дискурсивной практике не просто уделяется особое внимание, но и придается решающее значение в процессе формирования личности — в данном случае, конечно, личности женщины. Потому практика формирования идентичности в представлении Сиксу тождественна практике письма: «Женщина должна писать самое себя: должна писать о женщинах и привлечь женщин к процессу писания, от которого

они были отторгнуты так же жестоко, как от собственного тела, по тем же причинам, с помощью тех же законов и с той же фатальной целью. Женщина должна вложить себя в текст — как в сущий мир и в человеческую историю — совершив самостоятельное движение» [8. С. 799].

Главная феминистская интенция состоит в том, что самоидентификация женщины всегда осуществлялась не ей самой, а мужчинами, точнее, созданным ими социальным механизмом, который был направлен на подавление женской индивидуальности. Это означает, что женщина не имела возможности осознать себя в качестве целостной автономной личности, обладающей независимостью в принятии решений относительно собственных действий и представлений о самой себе — она всегда была вынуждена осмысливать себя как часть мужской идентичности.

Сиксу (как и других феминисток) беспокоит проблема идентификации женщиной себя с точки зрения телесности, т.е. как существа женского пола, имеющего самостоятельное значение, а не способного самоопределяться только в терминах противопоставления мужского и женского. Обычная практика, не утратившая, несмотря на многовековую историю, своего значения и по сей день, сводится к осознанию стыда за свою телесность, способность испытывать сексуальное удовольствие и «любить» свое тело таким, каким его дала природа. Социально одобряемой нормой является отрешение от собственно женской сексуальности, потому и возникает чувство вины у женщины тогда, когда ее сексуальность все же проявляется — это стандартная социальная санкция, свидетельство «ненормальности» женщины, расценивающаяся в мужском социальном мире как девиация: «Мужчины совершили страшнейшее преступление против женщин. Жестоко и предательски они приучили нас ненавидеть женщин, быть своими собственными врагами, мобилизовать свои силы против самих себя, быть исполнителями их мужской потребности. Они создали антинарциссизм для женщин!.. Они сконструировали позорную логику антилюбови!» [8. С. 802].

Задача осознания своей телесности, поиска своего либидо, по мнению Сиксу, очень важна для собственной самоидентификации любой женщины. Женщина должна нарушить границы мира, созданного мужчинами, и через осознание собственного тела как нестыдного, неограниченного, «бисексуального», как сексуального по-другому, найти и понять свое Я.

Юлия Кристева отрицает возможность «женского письма» в том смысле, в каком понимает его Сиксу. Она не предлагает теорию «женственности» или «женской природы» — зато есть теория маргинальности, подрыва и десидентства. «Поскольку женщины определяются патриархатом как маргиналки, их борьба может быть теоретически осмыслена таким же образом, как любая другая борьба против централизованной властной структуры» [7. С. 196]. Сделанный Кристевой акцент на маргинальности открывает возможность рассматривать женское не в терминах сущностей («нехватка», отсутствие смысла, иррациональность, хаос, тьма у Сиксу и Иригарэ, например), а в терминах позиций.

Тот факт, что женщина не может «бытийствовать», что она всегда становится и никогда не станет бытием, объединяет ее с другими группами, исключенными из доминантного порядка: гомосексуалистами, евреями, расовыми и этническими

меньшинствами и т.д. Кристева хотела бы, чтобы общество пришло к выстраиванию отношений с «жалкими» — с теми, кто маргинализован или подавлен культурой. По ее мнению, маргинализированный дискурс, обнаруживаемый в безумии, в иррациональном, в материнстве и в сексуальности, должен внести свою революционную силу в язык.

В своей книге «Силы ужаса» [5] Кристева подробно рассматривает понятие «отвращение», которое становится полезным для изучения дискриминации женщин и обретения женской идентичности. Отвращение описывается как механизм социализации — через отвращение формируется субъективность и групповая идентичность. Это исключение субъектом того, что угрожает собственным границам или границам собственной группы.

Главная угроза для несформировавшегося субъекта — его или ее зависимость от материнского. Поэтому отвращение в корне связано с материнской функцией. «Разрыв с матерью, по Кристевой, является основополагающим: последующее деление мира на субъект и объекты — его закономерный эффект. Отвратительное — „abject“ предшествует возникновению субъектов и объектов, не являясь еще ни тем, ни другим. Именно в силу своей радикальной неопределенности и гетерогенности оно и оказывается отвратительным и внушает ужас: первое, с чем мы сталкиваемся, — это чудовищный не-объект, из которого мы, тем не менее, происходим. Однако эти границы оказываются неустойчивыми, над ними постоянно нависает смертельная угроза хаоса, растворения. Отвращение защищает человека от погружения в нирвану бессмысленной и иррациональной стихии всякий раз, когда его идентичность подвергается смертельной опасности» [9].

Фигуральное «убийство» собственной матери — наша жизненная необходимость, так как для того, чтобы стать субъектом (в рамках патриархатной культуры), мы должны отвратиться от материнского. Кристева полагает, что неуместное, неправильное отвращение — причина подавления женщин. Подобное отношение стало формироваться еще в глубокой древности — тогда женское, материнское начало, прежде всего из-за репродуктивной функции, приобрело предикат табуации, отвращения, позора, мистического ужаса. В авторитарных обществах «попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетенного... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [5. С. 107].

Кристева называет отвращение «нарциссическим кризисом на подступах к женскому» [5. С. 245]. В патриархальных культурах положение женщин было урезано до выполнения материнской, т.е. репродуктивной, функции. Поэтому при необходимости отвратить материнское, чтобы обрести субъективность, отвращается не только материнское, но и материнство, женщина и женское в целом — все отвращается вместе с материнской функцией. Это неправильное отвращение и есть один из вариантов описания причин подавления и дискриминационного положения женщин в патриархальном обществе.

Решающим вопросом для Кристевой, анализирующей проблему существования женщины в рамках патриархатной системы, становится не то, как женщине «перевернуть» ситуацию и заставить мужчину стать жертвой, но то, каким обра-

зом сохранить разницу без жертвенности со стороны одного из полов. Решение Кристевой является комплексным, оно склоняет к разработке новой этики и политики, которые не жертвовали бы ни феминностью, ни маскулинностью, но считали бы фантазией идеал фиксированной или стабильной идентичности для каждого из полов.

В своем интервью Кристева говорит следующее: «Может быть, мы находимся в историческом моменте создания принципиально нового политического сознания, которое состоит в том, что включает в универсальное и женщин, которые признали универсальность и способны овладеть ее инструментами: инструментами равенства, инструментом власти и центризма. Только женщины будут делать это по-другому, чем мужчины. Потому что, по моему мнению, отношение женщины к закону, к власти, к запрету другое, чем у мужчины. Оно проистекает из нашего отношения к своему телу, к чувственности, к зачатию. Мы по-разному воспринимаем, это касается и закона, и универсального. Таким образом, эта тонкость женского восприятия, другой способ чувствования, есть источник обогащения универсального» [4].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что рассмотренные в работе представительницы французского феминизма направили свои усилия на отрицание традиционной иерархии мужчины и женщины, теоретическое отрицание бинарных оппозиций как утверждения патриархатной общественной системы, доказательство того, что женщина занимает по отношению ко всему патриархатному обществу мужчин в целом и к любому мужчине в частности не маргинальное, а центральное положение, а все концепции о ее неполной и зависимой сексуальности являются способами мужской системы утвердить собственную тождественность за счет прав женщины.

Отличие постмодернистского феминизма от ранних его видов заключается в том, что он не «воюет» с мужчинами, он выступает против культуры маскулинного типа, которая мешает полноценно раскрыться как женщине, так и мужчине. Эта культура — патриархатного типа — искусственно конструирует образ женщины и мужчины. Сегодня огромное число мужчин страдает от того, что они не соответствуют тому образу маскулинности, мужественности, которое принято в обществе как некий стандарт. И это нормально, если существует семья, где женщина в чем-то активнее, смелее мужчины, но зато он в другой сфере эффективнее, значимее и лучше. Современный феминизм утверждает принцип толерантности в сфере половой идентичности человека. «Современный феминизм бросает вызов устаревшим стереотипам мышления и традиционной политике с позиции силы и является одним из ведущих направлений в движении человечества к свободе» [10].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гапова Е.* Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. — Ч. I. — Харьков; СПб., 2001.
- [2] *Жеребкин С.* Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. — Ч. I. — Харьков; СПб., 2001.

- [3] *Костикова А.А.* Проблема женского в «новой» философии // Социокультурный анализ гендерных отношений / Под ред. Е. Ярской-Смирновой. — Саратов: Изд. СГУ, 1998 // <http://www.owl.ru/win/research/msu1998.htm>
- [4] *Кристева:* изоляция, идентичность, опасность, культура... // Вестник Европы. — 2005. — № 15 // <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html>
- [5] *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении. — СПб., 2003.
- [6] *Миненков Г.Я.* Проект идентичности в контексте образования: антропологическая перспектива // <http://www.standrews.ru/index-ea=1&ln=1&chp=showpage&num=277>
- [7] *Мой Т.* Сексуальная текстуальная политика. — М., 2004.
- [8] *Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. — Харьков, 2001.
- [9] *Тимофеева О.* Это без слов понятно из менструальной крови... // НЛЮ. — 2007. — № 7.
- [10] *Успенская В.* Феминизм: происхождение понятия и его современный смысл // Женщины. История. Общество / Под ред. В. Успенской. Тверь, 1999 // <http://www.tvergenderstudies.ru/cgi-bin/pagcntrl.cgi/docs/bk02ar17.rtf>
- [11] *Nicholson L.J.* Feminism/Postmodernism. — N.Y.; L., 1990.

THE DYNAMICS OF FEMALE SELF-IDENTIFICATION CONCEPTIONS: FROM MODERNISM TO POSTMODERNIST FEMINISM

E.E. Agafonova

Sociology Chair

Social Sciences and Humanities Department

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklai str., 10a, Moscow, Russia, 117198

A number of new contradictions between the personality and society, including the accentuation of the problem of human being's identity and self-identification have been engendered by globalization. Whereas formerly the individual enjoyed a stable set of norms, values, and motivations determining his identity structure, nowadays social institutions bearing responsibility for the stable identity development are experiencing transformations and fail to accomplish their functions to the full extent or are actually in complete collapse. The social, economic and political status of woman has undergone the most drastic transformations resulting in pivotal changes of her identity structure and identification processes. Under the contemporary circumstances the old-fashioned modernist views and ideas about the role, status, and position of women, the traditional patterns of behaviour and value judgments turn out to be inappropriate. One can state that the classical ideas of women's self-identification are old and tired version and now it is time for a new apprehension of this significant process. The problem of identity and self-identification has been handled in a particular way both in the framework of postmodernist theories and in terms of contemporary feminist conceptions. The theorists of postmodernist feminism have put forward a sufficiently interesting and important project reconsidering female/gender identity structure as well as female identification/self-identification processes.

Key words: identity, self-identification, modernism, feminism, postmodernism.